
1917 ГОД В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

1917 ГОД У ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

1917 IN THE BELARUSIAN HISTORY

УДК 329.12(=161.1)(476)«1905/1917»

ПОЛИТИЧЕСКОЕ МАСОНСТВО В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В 1905–1917 гг.

Д. С. ЛАВРИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Рассмотрены основные этапы деятельности российского политического масонства в начале XX в. Проанализирован процесс создания масонских лож, их партийный, социальный и национальный состав, принципы взаимодействия и каналы влияния на государство и общество. Утверждается, что «Великий Восток народов России» – крупнейшая масонская организация, а ее ядро составляли представители партии конституционных демократов, что способствовало включению масонов в политическую жизнь Российской империи. Выявлена причастность вольных каменщиков ко многим предприятиям Прогрессивного блока в 1915–1917 гг., в том числе к организации пропагандистской кампании против царского правительства. Показано, что на территории Беларуси масоны придерживались «краевой» идеологии, при поддержке местных конституционных демократов в масонство вступила группа белорусских общественных деятелей, связанных с редакцией газеты «Наша Ніва».

Ключевые слова: масонство; либерализм; политические партии; белорусское национальное движение; Первая мировая война; революция.

Образец цитирования:

Лавринович Д. С. Политическое масонство в общественно-политической жизни России и Беларуси в 1905–1917 гг. // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 10–19.

For citation:

Lavrinovich D. S. Political freemasonry in the social-political life of Russia and Belarus in 1905–1917. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 3. P. 10–19 (in Russ.).

Автор:

Дмитрий Сергеевич Лавринович – доктор исторических наук, профессор; первый проректор, профессор кафедры истории Беларуси и восточных славян историко-филологического факультета.

Author:

Dmitry S. Lavrinovich, doctor of science (history), full professor; pro-vice chancellor, professor at the department of history of Belarus and the Eastern Slavs, faculty of history and philology.
lavrin-dmitrij@yandex.ru

POLITICAL FREEMASONRY IN THE SOCIAL-POLITICAL LIFE OF RUSSIA AND BELARUS IN 1905–1917

D. S. LAVRINOVICH^a

^a*Mogilev State A. Kuleshov University, Kasmanaŭtaŭ Street, 1, 212022, Mahilyow, Belarus*

The article reveals the main stages of the activities of Russian political freemasonry in the early XX century. The author shows the process of establishing Masonic organizations, analyzes their party, social and national composition, the principles of interaction, examines the methods of their influence on the state and society. The largest Masonic organization was the «The Great East of the Peoples of Russia». Its center was made up of representatives of the constitutional-democratic Party, which facilitated the involvement of freemasons in the political life of the Russian Empire. Freemasons were involved in many affairs of the Progressive Bloc in 1915–1917, including the organization of a propaganda campaign against the tsarist government. On the territory of Belarus, Freemasons adhered to the regional ideology, with the support of local constitutional democrats; a group of Belarusian public figures connected with the editorial office of the newspaper «Nasha Niva» joined freemasonry.

Key words: freemasonry; liberalism; political parties; Belarusian national movement; World War I; revolution.

Введение

Особый интерес современных историков к политическому масонству не случаен. Он объясняется тем, что в СССР эта тема долгие годы находилась под идеологическим запретом, а на исследователей-эмигрантов влияла боязнь затронуть в своих работах лиц, которые остались после октября 1917 г. в России либо занимали видные места в общественной и политической жизни эмиграции, где причастность к масонству могла быть использована политическими противниками этих лиц [1, с. 24]. Между тем Российская империя была одной из первых стран, где возникли масонские общества. Первые достоверные сведения о российских вольных каменщиках¹ относятся к 1731 г. [2, с. 30]. Бурного расцвета масонство в России достигло в последней трети XVIII – первой четверти XIX в., когда членами ордена стали многие видные культурные, общественные и политические деятели эпох Екатерины II и Александра I.

Указом 1822 г. российское правительство запретило существование тайных обществ, в том числе и масонских лож. Однако отдельные их члены продолжали проводить собрания до середины XIX в. В дальнейшем российские подданные принимали участие в деятельности иностранного (главным образом французского) масонства. Из Франции масонство внедрялось в общественно-политическое движение в России начала XX в. К концу 1901 г. в ложе масонского общества «Великий Восток Франции» (ВВФ) и других французских орденов было принято более 10 русских либеральных интеллигентов [3, с. 41].

Цель данной статьи – раскрыть процесс возрождения и основные этапы развития политического масонства в Российской империи, в частности на территории современной Беларуси, определить роль масонских обществ в революционных событиях февраля – марта 1917 г.

Основная часть

Первоначальное ядро возрождающегося российского масонства составляла группа лекторов и руководителей Русской высшей школы общественных наук, существовавшей в 1901–1905 гг. в Париже [2, с. 168; 4, с. 18]. После амнистии, последовавшей за Высочайшим Манифестом об усовершенствовании государственного порядка от 17 (30) октября 1905 г., многие российские эмигранты-либералы получили возможность вернуться на родину. Перед этими событиями в столице Франции 18 русских масонов были сведены в две ложи – «Космос» и «Гора Синай», подчинявшихся «Великому Востоку Франции» и «Великой Ложе

Франции» (ВЛФ) соответственно [3, с. 44]. Возвратившиеся из эмиграции масоны в 1906 г. создали под эгидой ВВФ масонские ложи на территории России. Главным вдохновителем возрождавшегося российского масонства в этот период был М. М. Ковалевский, получивший специальные полномочия от Совета «Великого Востока Франции». В Москве 15 ноября 1906 г. М. М. Ковалевский создал ложу «Возрождение», а через несколько дней в Санкт-Петербурге была образована ложа «Полярная звезда». Можно согласиться с мнением В. И. Старцева о том, что именно с этого времени следует говорить о нелегальном возрождении масонства в России

¹Термин «вольные каменщики» – синоним масонства, т. к. по одной из версий истоки масонских обществ лежат в средневековых товариществах каменщиков (буквальный перевод с французского языка названия «франкомасоны»).

начала XX в. [3, с. 50]. За два года в обе ложи было принято 35 человек.

Делегаты ВВФ в мае 1908 г. официально признали «Возрождение» и «Полярную звезду» [3, с. 65]. В том же году М. М. Ковалевский основал ряд лож, подчинявшихся более консервативной ВЛФ [5, с. 36]. Таким образом, оба направления российского политического масонства остались под контролем французских центров.

Состав новых масонских обществ существенно отличался от лож XVIII – первой четверти XIX в.: если раньше масонами становились преимущественно аристократы, то в начале XX в. – представители либеральной интеллигенции. Ложи вольных каменщиков принимали в свои ряды членов различных умеренных и леволиберальных партий: кадетской, демократических реформ, мирного обновления, Союза 17 октября и др., помимо этого среди масонов было много и беспартийных членов. В движении доминировали конституционные демократы, представлявшие около 25 % адептов масонских организаций [5, с. 47]. Численность членов лож быстро росла. В ряды масонов в России в 1907–1909 гг. по мнению специалистов входило примерно 100 человек. Фамилии 94 из них подтверждаются документально [3, с. 84; 5 с. 47]. К концу 1909 г. в системе ВВФ в России действовало около восьми масонских лож: три в Санкт-Петербурге, две в Москве и по одной в Киеве, Нижнем Новгороде и Одессе [1, с. 29; 6, с. 52]. В историографии существует мнение, согласно которому численность членов российских масонских организаций в этот период превышает названную [5, с. 39; 7, с. 96].

Развитие масонского движения потребовало создания специальных органов для координации деятельности различных лож. В ноябре 1908 г. состоялся первый съезд масонов России в Санкт-Петербурге. На нем были сформированы два руководящих органа: «Верховный совет» (для руководства деятельностью всех российских масонов, председатель – С. Д. Урусов) и «Совет 18-ти» (для братьев высоких степеней, председатель – Д. О. Бебутов) [4, с. 135–136; 5, с. 38].

Помимо общих масонских лож создавались профессиональные масонские объединения. Так, существуют сведения об учреждении в Санкт-Петербурге в 1909 г. «Военной ложи», в состав которой входили А. И. Гучков, В. И. Гурко, А. А. Половцев и другие высокопоставленные военнослужащие России [2, с. 183]. Предпринимались попытки привлечь к движению помимо оппозиционных общественных деятелей и политиков отдельных представителей либеральной бюрократии. Член Государственной думы Б. А. Энгельгардт допускал мысль о том, что видным масоном, в частности, был А. П. Извольский, занимавший в то время должность министра иностранных дел [8, л. 55].

Со временем масонские организации переполнились «лишними» людьми, что потребовало реорганизации структуры ордена в России. Необходимость данного шага диктовалась и большой прозрачностью российского масонства для полиции. В конце 1909 г. все российские масонские ложи, подконтрольные ВВФ, официально прекратили существование. Подобный прием, необходимый для избавления от подозрительных членов, долгое время практиковался масонами. Уже в 1910 г. группа вольных каменщиков во главе с кадетом А. М. Колюбакиным начала воссоздание организации. Окончательно новый масонский союз сформировался к лету 1912 г. [7, с. 107]. Кроме представителей лож, прежде подчинявшихся ВВФ, в него вошли масоны из лож, придерживавшихся древнего и принятого Шотландского устава, организованных М. М. Ковалевским, а также из английских лож, основанных Б. С. Ломбардом, настоятелем англиканской церкви при посольстве Великобритании в Санкт-Петербурге [7, с. 107–108].

Новое масонское объединение получило название «Великий Восток народов России» (ВВНР). Изначально данная организация, как и предшествовавшие ей французские ложи, не была надпартийным политическим обществом. Масон М. Ромер в дневнике писал: «Наш Союз – не политическое объединение. <...> Только стремление придерживаться основных принципов человечности заставляет нас занимать антиправительственную политическую позицию» [9, с. 61]. В качестве задач и целей в уставе ВВНР значилось «создание связанного моральной общностью и взаимным доверием братского ордена». Далее говорилось, что братья, сохраняя свободу политической деятельности, должны стремиться к утверждению и защите прав человека и гражданина [10, с. 129].

Однако активное участие многих масонов в политической жизни империи способствовало эволюции идеологии ВВНР и превращению организации в сугубо политическое объединение. В начале марта 1915 г. М. Ромер был вынужден констатировать: «Фактически мы не исполняем масонских обрядов» [9, с. 65]. К этому следует добавить отмену системы степеней и изменение принципов приема в ложи [7, с. 109–110; 11, с. 62]. В итоге ВВНР стал политическим союзом, использовавшим в своих целях масонскую структуру и правила конспирации.

В отличие от дореформенного масонства, новое объединение не подчинялось французским орденам. Российский историк О. Ф. Соловьев, проанализировав опубликованный В. И. Старцевым устав ВВНР [10, с. 129–132], пришел к выводу о том, что данная масонская организация была создана самостоятельно, без санкции какого-либо иностранного центра. Это противоречило канонам вольных каменщиков. По мнению исследователя, никакой

зарубежный орден не разрешил бы основание лож с «открыто, хотя и расплывчато прокламируемыми политическими целями» [2, с. 221]. Польский ученый Л. Хасс ставит под сомнение сам масонский характер ВВНР [1, с. 34]. Однако большинство отечественных и российских историков именуют тайное общество, возникшее под эгидой ВВНР, не иначе как масонским [2; 3; 5–7; 12].

Состав лож «Великого Востока народов России» существенно отличался от состава российских лож ВВФ и ВЛФ. Новая масонская организация стала более демократичной. Несмотря на то что в обществе численное превосходство осталось за кадетами, увеличилось число представителей социалистических партий. Однако количество консервативных и даже праволиберальных элементов, в том числе октябристов, напротив, было крайне незначительным. Масон А. Я. Гальперн в беседе с исследователем Б. И. Николаевским вспоминал, что членов «Союза 17 октября», желавших вступить в масонство, «не нашлось и практически вопрос о приеме кого-либо из октябристов вообще не вставал» [4, с. 58]. Таким образом, ВВНР по своему политическому направлению был преимущественно леволиберальной организацией.

Высшим органом российского ордена вольных каменщиков был конвент. Согласно уставу он должен был собираться ежегодно, каждая ложа могла делегировать своего представителя. В довоенный период состоялось два конвента. На первом из них летом 1912 г. в Москве произошло официальное завершение конструирования новой российской масонской организации. Следующее собрание конвента состоялось через год в Санкт-Петербурге, на нем был принят проект устава ВВНР [4, с. 53–55, 61; 7, с. 112–113]. Помимо прочего на конвентах происходило избрание высшего исполнительного органа – Верховного совета, важнейшей функцией которого было открытие новых лож и контроль за приемом членов. Руководящая роль в Верховном совете, а значит и во всем ордене, принадлежала секретарю совета. Помимо того что секретарь являлся докладчиком по всем текущим делам, в том числе и политическим, через него лидеры ВВНР поддерживали связи с рядовыми ложами. В ведении секретаря находилась и общая казна российского масонства [4, с. 56–57; 7, с. 115]. Согласно исследованиям А. И. Серкова, данную должность до конвента 1912 г. и в 1915 г. занимал представитель кадетов Н. В. Некрасов, с лета 1912 г. по 1914 г. – кадет А. М. Колюбакин, в 1915–1916 гг. – трудовик А. Ф. Керенский, с лета 1916 г. до конца 1918 г. – социал-демократ А. Я. Гальперн [4, с. 56; 7, с. 115]. Следует отметить, что этот вопрос в историографии не прояснен окончательно. Так, во время допросов в НКВД Н. В. Некрасов утверждал, что он являлся секретарем ВВНР с 1910 по 1916 г. [14, с. 36].

По предложению Л. Хасса и В. И. Старцева, обязанности секретаря с 1916 г. выполнял А. Ф. Керенский [3, с. 160; 14, с. 152].

Для координации действий масонов на региональном уровне создавались местные советы. По уставу они могли быть образованы тогда, когда число лож в каком-либо населенном пункте достигало пяти [4, с. 62]. Первым, приблизительно в 1912–1913 гг., был создан Санкт-Петербургский областной совет, его секретарями в разное время являлись левый кадет В. А. Оболенский и профессор Д. Н. Рузский [4, с. 62; 16, с. 448]. Во время Первой мировой войны местный совет был создан также в Киеве [4, с. 62].

Число лож после реорганизации российского масонства сократилось. По подсчетам В. И. Старцева, из 94 членов ВВФ, имена которых удалось обнаружить, в ложи ВВНР перешли только 37 человек [3, с. 84]. Остальные или прекратили свою масонскую деятельность, или продолжали ее на территории Франции, желая остаться французскими масонами. По мнению А. И. Серкова, численность реорганизованных российских лож в период расцвета дореволюционного масонства достигала 42 [7, с. 111]. Наибольшее число российских вольных каменщиков было в Санкт-Петербурге, где существовало около 11 лож. На втором месте была киевская организация – 7 лож, на третьем оказалась Вильно – 5 лож [6, с. 54; 7, с. 111; 9, с. 66; 17, с. 1139]. Всего ячейки ВВНР возникли в 18 городах. Общее количество членов организации достигало 350–400 человек [7, с. 111–112]. Доподлинно В. И. Старцев установил фамилии только 104 братьев, из них 67 участвовали в работе столичных лож, а 41 – провинциальных [3, с. 109]. На сегодняшний день возможна лишь приблизительная оценка размаха и влияния российского политического масонства.

Значительное развитие масонское движение получило на территории Литвы и Беларуси. В 1910 г. основана первая масонская ложа «Единство» в Вильно, ее возглавил один из лидеров местной организации кадетской партии Г. Д. Ромм, а его брат И. Д. Ромм выполнял обязанности казначея и секретаря [18, с. 465]. В ложу в Вильно вошли представители всех национальностей региона, в том числе и белорусы – бывшие деятели Белорусской социалистической громады (БСГ) В. У. Ластовский, И. И. Луцкевич и А. И. Луцкевич. Изначально правление ложи обратилось к адвокату и видному польскому общественному деятелю Т. Врублевскому, но получило отказ [18, с. 161]. После чего лидеры виленских кадетов рассказали о масонской организации одному из деятелей белорусского национального движения И. И. Луцкевичу. «Для белорусов, – говорили братья Ромм, – было бы весьма важно войти в связь с этой организацией, так как она может в будущем сыграть в России крупней-

шую роль» [19, с. 31]. Согласие на вхождение в ряды масонов дали И. И. Луцкевич и его брат А. И. Луцкевич. Мотивы этого поступка раскрыл А. И. Луцкевич в показаниях, данных НКВД в 1939–1940 гг.: «...с русским либеральным обществом следовало завязать контакт, тем более, что там имелись лица, интересовавшиеся белорусским вопросом и сочувствовавшие белорусам» [20, с. 30]. В Вильно в 1911 г. были сформированы еще две масонские ложи – «Белый Рутений» и «Литва» [16, с. 1139; 19, с. 166]. По мнению А. И. Серкова, создание ложи «Литва» произошло при участии ВВФ. С помощью французского ордена была образована ложа среди польских уроженцев Санкт-Петербурга под названием «Белый Орел» [7, с. 106].

Размежевание по национальному признаку произошло в 1913 г. в ложах Вильно. Масоны-поляки вышли из лож «Единство» и «Литва», создав собственную под названием «Верный Литвин». Причину кризиса виленского масонства некоторые исследователи усматривают в смене политической ориентации членов польской национальности с автономистской на независимую: освобождение от царизма они связывали с созданием самостоятельного польского государства [6, с. 56–57]. Последствия раскола были преодолены достаточно быстро, в скором времени численность ложи ВВНР в Вильно снова возросла.

Виленские масоны в своей деятельности придерживались «краевой» идеологии, в основе которой лежал принцип политической нации. Согласно этому принципу все сознательные граждане края составляли одну нацию вне зависимости от национального происхождения и вероисповедания. Данная идеология, направленная против этнического шовинизма, не мешала братьям действовать в рамках своих национальных политических партий. Местных масонов объединяли идеи установления парламентской республики и введения автономии «исторической Литвы», в частности и Беларуси, в составе будущей федеративной России [6, с. 53].

Братья Ромм помогли белорусским деятелям установить связь с руководством конституционно-демократической партии (КДП), в частности, с П. Н. Милюковым. Корреспондентом лидера кадетской партии и газеты «Речь» становится А. И. Луцкевич. В 1911 г. он направил П. Н. Милюкову письмо, в котором с критических позиций рассказывал о попытках царского правительства перевести католическое богослужение на территории Беларуси на русский язык [20, л. 1 об.]. В июне 1911 г. в газете «Речь» появилась статья А. И. Луцкевича по тому же вопросу. Автор настаивал на введении белорусского языка в католическое богослужение: «9-миллионный белорусский народ, несмотря на все превратности судьбы, остался жив, сохранил свою национальную душу и возрождается на наших глазах» [21, с. 5]. В следующем письме к П. Н. Ми-

люкову в апреле 1912 г. он просил редакцию газеты встать на защиту белорусского издания «Наша Ніва», которому угрожало закрытие. «Дело в том, что на основании акции националистов (Всероссийский национальный союз – Д. Л.) в Петербурге соответствующие сферы забеспокоились, и результатом явилось предложение Виленскому губернатору принять меры к прекращению нашего издания. <...> Вот почему важно появление корреспонденции в петербургской большой прессе», – писал А. И. Луцкевич [20, л. 3 об.].

Готовность руководства КДП и местных лидеров кадетов во главе с Г. Д. Роммом к сотрудничеству с некоторыми деятелями белорусского национального движения в октябре 1914 г. привела к образованию в Вильно масонской ложи «Беларусь» [18, с. 170]. В сообщении о положении в Вильно, посланном в ЦК КДП накануне партийной конференции в марте 1914 г., местные конституционные демократы писали: «Политическая жизнь вся раздробилась по национальным группам. Сочувствующих кадетам очень много среди евреев. Польских демократов в крае очень мало и те теперь сильно подались в сторону узкого национализма. Ближе всех к нам белорусы, среди которых идет очень интенсивная работа, проникающая вглубь народных масс» [22, с. 603]. В данном письме, вероятно, имелась в виду редакция газеты «Наша Ніва». А. И. Луцкевич вспоминал: «Резюмируя все вышесказанное о моей деятельности за этот период <...> могу охарактеризовать его как период сотрудничества с либеральной буржуазией во имя тех же белорусских национальных соображений, во имя которых до 1906 г. я выступал на революционной ниве» [19, с. 34].

При помощи политического масонства либералы предпринимали попытки оживить общественную жизнь в Минске. В состав минской ложи вольных каменщиков, образованной в 1910 г., вошли в основном юристы и врачи. Исследователь А. Ф. Смоленчук приводит имена следующих членов масонской организации в Минске: Т. Кодис, К. Петрусевиц, Э. Ивашкевич, Я. Офенберг, К. Демидецкий-Демидович, И. Виткевич, Загорский [18, с. 160]. При этом последние трое названы масонами предположительно. Российский масон А. Я. Гальперн в беседе с исследователем Б. И. Николаевским вспоминал, что в 1912 г. на масонском конвенте в Москве присутствовал делегат из Минска – присяжный поверенный по имени Иван Иванович [4, с. 53]. Имя и отчество делегата, а также род его занятий дают возможность предположить, что это И. И. Метлин, принимавший в 1905 г. активное участие в забастовке на Либаво-Роменской железной дороге и некоторое время являвшийся членом кадетской партии. Влиятельным масоном из числа связанных с Минском конституционных демократов был А. Р. Ледницкий [4, с. 85]. Благодаря масонству каде-

там удалось сохранить ядро своих организаций на территории Литвы и Беларуси.

Кроме национальных лож, используя опыт российского масонства 1906–1909 гг., Верховный совет ВВНР создавал и профессиональные ложи: известные литературная, военная и думская. В первую входили писатели и журналисты левой ориентации: историки А. В. Карташев и В. Я. Богучарский, журналист Н. Н. Суханов и др. [4, с. 59; 5, с. 65; 7, с. 117]. Для привлечения известных представителей творческой интеллигенции образовывались ложи по принципу полезности того или иного лица для ордена. Так, специальные ложи были открыты для Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, а также для С. Н. Прокоповича и Е. Д. Кусковой. Через этих людей влияние ВВНР распространялось на Петербургское религиозно-философское общество, Техническое общество и Вольное экономическое общество [5, с. 65; 7, с. 117].

В военную ложу входили некоторые радикально настроенные офицеры (А. А. Свечин, В. В. Теплов, С. Д. Мстиславский и др.) [3, с. 115–116; 4, с. 60; 5, с. 65]. По воспоминаниям А. Я. Гальперна, данная ложа оказалась недостаточно активна и в 1914–1915 гг. распалась [4, с. 60].

Особое положение в ВВНР занимала думская ложа. В IV Государственной думе насчитывалось более 20 масонов, среди которых преобладали кадеты (А. М. Колюбакин, Н. В. Некрасов, В. А. Виноградов, Н. К. Волков, И. П. Демидов и др.). Также в думской ложе были представлены и лидеры партии прогрессистов (И. Н. Ефремов и А. И. Коновалов), трудовиков (А. Ф. Керенский) и меньшевиков (Н. С. Чхеидзе) [7, с. 116–117]. Стремясь к объединению левой оппозиции в нижней палате, думская группа масонов заботилась о сглаживании различных межфракционных конфликтов и о совместном выступлении депутатов по ряду вопросов. Сотрудничество социал-демократов и трудовиков с либералами в Думе было вызвано также желанием использовать масонские связи для сбора подписей под запросами правительству (для этого необходимо было собрать минимум 33 подписи, а общее количество социал-демократов и трудовиков было меньше необходимого) [4, с. 33].

Новый период в истории российского политического масонства связан с началом Первой мировой войны. Большинство лож ВВНР заняли патристическую позицию. Многие видные российские вольные каменщики активно включились в дело обороны страны. Секретарь Верховного совета А. М. Колюбакин отправился добровольцем в действующую армию и в начале 1915 г. был смертельно ранен [24, с. 262]. Отвлечение значительных сил масонства на обслуживание военных нужд привело к временной дезорганизации ВВНР. Количество лож сократилось. По подсчетам В. И. Старцева, 10 из 38 действовавших в начале войны лож распа-

лись [3, с. 113]. В то же время прием новых adeptов в орден не прекращался. По свидетельству Н. В. Некрасова, к февралю 1917 г. в ячейках ВВНР состояло 300–350 человек [14, с. 38].

Великодержавные настроения российских масонов отразились на взаимоотношениях Верховного совета с национальными ложами. В октябре 1914 г. в Петрограде состоялся конвент, в котором приняли участие более 30 делегатов со всей России [6, с. 55]. На повестку дня был вынесен вопрос об отношении организации к войне. Кадеты при поддержке А. Ф. Керенского и представителя меньшевиков выступили за войну до победного конца. Виленский делегат М. Ромер, напротив, указал на то, что среди национальных меньшинств, в частности поляков, такая политика не будет иметь успех. По мнению делегата, российское масонство должно было стремиться к скорейшему окончанию войны. Точку зрения М. Ромера от имени белорусов поддержал А. И. Луцкевич, к которому примкнули украинские делегаты [6, с. 56; 20, с. 271–272]. Однако большинство братьев проголосовало за резолюцию с пожеланием победы Антанты [6, с. 56].

Трения внутри масонства Литвы и Беларуси в конце 1914 – начале 1915 г. приняли характер литовско-белорусского конфликта. Литовские масоны добивались создания автономного государства на этнических землях, в которые включались и районы Гродненской и Минской губерний с преобладающим католическим населением. Белорусские вольные каменщики отстаивали идею автономии исторической Литвы, т. е. всех земель бывшего Великого княжества Литовского. Вместе с тем, разница во взглядах на войну и будущее Беларуси и Литвы привела к разрыву виленских масонов с ВВНР. Последним актом сотрудничества было участие виленских масонов в конвенте в Петрограде, который состоялся в мае 1915 г. [6, с. 56]. После занятия г. Вильно немецкими войсками остатки виленских лож объединились в новую самостоятельную организацию – «Великий Восток Литвы». Руководители данной организации сыграли главную роль в формировании Временного совета конфедерации Великого княжества Литовского, выпустившего универсал и обращение с призывом создания Белорусско-литовского государства. Вскоре после этого виленские масоны временно прекратили деятельность [6, с. 57].

Несмотря на внутренние противоречия, во время войны произошло расширение влияния ВВНР на общественные организации и государственные учреждения. Масоны заняли ряд важных постов в руководстве военно-промышленных комитетов (ВПК), земского и городского союзов [2, с. 236–237]. В список мест, где вольные каменщики всегда могли найти единомышленников, Н. Н. Берберова включает французское посольство в Петрограде, рабочую группу при Центральном ВПК, Москов-

скую городскую думу, Торгово-промышленный союз, тверское земство и т. п. В число лиц, лоббирующих интересы ордена, по мнению исследовательницы, входили министр народного просвещения П. Н. Игнатьев, главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин, министр иностранных дел Н. Н. Покровский и ряд общественных деятелей октябристского направления [25, с. 28–30]. В то же время следует отметить, что никаких убедительных фактов, подтверждающих принадлежность данных лиц к российскому масонству, автор не приводит. Несколько масонских центров Петрограда, в которых служили и работали вольные каменщики, выделяет А. И. Серков. В их число входили Петроградская городская дума, вузы (Психоневрологический институт, Высшие женские курсы, Высшие курсы П. Ф. Лесгафта), Петроградская судебная палата и Петроградский коммерческий суд. По замечанию историка, аналогичная ситуация была и в Москве [7, с. 117–118].

На территории Беларуси под сильным масонским влиянием, вероятно, находилось «Белорусское общество по оказанию помощи пострадавшим от войны», в число руководителей которого входили видные представители местного масонства, в том числе В. У. Ластовский и А. И. Луцкевич [25, с. 2]. В 1915 г. А. М. Колюбакиным была создана масонская ложа в Витебске. Одними из первых ее членов стали Г. Я. Брук, А. О. Волкович и еще один витебский конституционный демократ В. В. Федорович [18, с. 170]. Членом витебской масонской ложи был знаменитый художник М. Шагал [3, с. 145].

Неудачи российской армии весной – летом 1915 г. способствовали усилению оппозиционности ВВНР. В идеологии российских масонов преобладали республиканские настроения. Характерной чертой была «ненависть к трону, к монарху лично» [4, с. 63]. Усилия ордена, по словам А. Ф. Керенского, были направлены на установление в России демократии на основе широких социальных реформ и федеративного устройства государства [11, с. 63]. Лидеры российского масонства были противниками слишком умеренной тактики Прогрессивного блока. В противовес ему они стремились создать «левый блок из кадетов и других революционных групп» [4, с. 66; 7, с. 120]. По инициативе А. Ф. Керенского предпринимались попытки образования организации «Все-российский союз беспартийной интеллигенции». В основу программы планировалось положить республиканские установки, в целом союз должен был оказаться левее кадетов [2, с. 239]. Не исключена причастность масонов к созданию инициативной группы Российской радикально-демократической партии, также придерживавшейся идеи союза левых либералов с социалистическими элементами.

В то же время российские масоны отвергали революционный путь борьбы. Отношение вольных каменщиков отражает эпизод с эсером С. Д. Мсти-

славским: осенью 1915 г. он заявил о необходимости организации «заговора на жизнь государя», к чему большинство адептов отнеслось «в высшей степени отрицательно» [4, с. 65–66]. В воспоминаниях В. А. Оболенского сказано: «Среди масонов были, конечно, люди, желавшие революции и занимавшиеся революционной пропагандой. Но много было и ее противников. Большинство <...> во всяком случае отвергало революцию во время войны» [16, с. 449].

Важным направлением деятельности масонских организаций в России являлось проведение агитационных кампаний. Главной из них была кампания, результатом которой должна была стать негативная оценка фигуры Г. Е. Распутина и его роли при дворе. Началась она еще в 1913–1914 гг.: Верховный совет ВВНР размножал и распространял агитационные брошюры и другие материалы [4, с. 40]. Деятельность масонов способствовала дискредитации правящей династии.

Отдельные российские вольные каменщики приняли участие в обсуждении и подготовке планов дворцового переворота, центром заговора считалась ложа Верховного совета. По поручению руководства ВВНР А. Ф. Керенский и другие видные братья объехали провинциальные города, в которых провели соответствующую агитацию, лидеры российского масонства собирали деньги на нужды дворцового переворота. Однако после решительного протеста украинских масонов работа по подготовке переворота была прекращена, а центр заговора переместился к группе А. И. Гучкова [4, с. 88, 92–93, 95–96; 7, с. 119–120]. Тем не менее руководители Верховного совета ВВНР через Н. В. Некрасова, входившего в состав заговорщиков, и через других братьев были хорошо осведомлены о планах устранения Николая II. В воспоминаниях А. Ф. Керенского сообщается: «Знали о заговоре и мы, руководители масонской организации, хоть и не были в курсе всех деталей, и тоже готовились к решающему моменту» [11, с. 106]. Эта подготовка завершилась учреждением накануне Февральской революции информационного центра левых партий с целью согласования действий оппозиции с деятелями из революционного лагеря, а также для информирования населения о результатах переворота [4, с. 70–71; 11, с. 106].

Летом 1916 г. в Петрограде состоялся последний масонский конвент в России, заседания которого проходили в квартире кадета В. А. Степанова и длились два дня. Кроме столичных, на конвенте были представлены масонские ложи Москвы, Киева, Екатеринбурга, Саратова, Харькова, Самары, Одессы, Ревеля, Риги, Полтавы, Вильно и Витебска. Как указывалось выше, к этому времени связи виленских масонов с ВВНР фактически прервались. Скорее всего именно в связи с этим мандат от виленских лож, как и мандат от Витебска, был передан кому-

то из петроградских масонов [4, с. 68]. В первую очередь на последнем конвенте были заслушаны доклады Верховного совета о делах на фронте, а также сообщения с мест. Затем делегаты приступили к обсуждению общеполитических вопросов. Большая группа провинциальных масонов настаивала на переходе к революционным методам борьбы, указывая на то, что с царским правительством Россия не сможет победить в войне. Однако благодаря убедительным выступлениям Н. В. Некрасова, В. А. Степанова и А. Я. Гальперна итоговая резолюция была составлена в духе политики Верховного совета, т. е. без учета революционного порыва масонских низов [4, с. 68; 7, с. 114; 6, с. 70].

Интерес к российскому оппозиционному движению со стороны зарубежных масонских центров, которые предпринимали ряд попыток установления связи с отдельными представителями Прогрессивного блока, усиливается в 1916 г. Так, Б. А. Энгельгардт во время пребывания в Париже в составе российской парламентской делегации весной 1916 г. получил открытку, на которой был изображен колокол русской церкви в Вене и присутствовала надпись: «Призывайте к объединению всех народов». По замечанию самого Б. А. Энгельгардта, послание являлось приглашением в масонскую ложу, от которого он в силу своих консервативных убеждений отказался [8, л. 57]. В то же время представители ВВНР не были приглашены на Парижскую конференцию масонства держав Антанты, состоявшуюся 14–15 января 1917 г. Вопреки этому Масон В. В. Балвинский прибыл на конференцию и попытался добиться признания от ВВФ, однако эти действия не принесли результатов [2, с. 258]: французские масоны не хотели портить отношения с официальной властью России.

ВВНР все больше терял Масонский характер. Окончательный отход организации от масонства, даже в его наиболее политизированных формах, полагает А. И. Серков, произошел в январе – феврале 1917 г. Число лож сократилось до 28–30, фактически вся работа велась группой руководителей Верховного совета: А. Ф. Керенским, А. И. Коноваловым, Н. В. Некрасовым, А. Я. Гальперном и др. На наш взгляд, А. И. Серков делает верный вывод о том, что накануне февральско-мартовских событий 1917 г. произошел переход от политического масонства к политической группе [7, с. 121–122].

Во время вооруженного восстания в Петрограде политические масоны приняли участие в создании Временного правительства. В дни восстания не проводились официальные заседания Великого Востока народов России, но руководители организации

(А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов, А. И. Коновалов и др.) держались вместе, советуясь друг с другом касательно каждого вопроса [4, с. 71]. Можно согласиться с мнением ряда исследователей, которые, не преувеличивая значения масонства в февральско-мартовские дни 1917 г., полагают, что оно сыграло роль в формировании первого буржуазного кабинета [1–3; 27].

На лидерство во Временном правительстве претендовал руководитель кадетов П. Н. Миллюков. Пять из двенадцати членов правительства принадлежали к Конституционно-демократической партии. Также П. Н. Миллюков рассчитывал на поддержку лояльно относившегося к кадетам Г. Е. Львова и представителей консервативного крыла Думы – В. Н. Львова и И. В. Годнева. Однако важную роль при принятии решений во Временном правительстве стали играть связи не партийного, а личного свойства. Именно благодаря им удалось выдвинуться в лидеры А. Ф. Керенскому, который опирался на министров-масонов А. И. Коновалова, Н. В. Некрасова и М. И. Терещенко. После А. Ф. Керенский говорил, что все четверо были связаны «личной близостью, не только чисто политического, но и своего рода политико-морального характера» [27, с. 478].

Масонские ложи выступали активными участниками создания органов новой власти в провинции. Влиятельный российский масон А. Я. Гальперн уже после революции вспоминал: «...когда вставал вопрос о том, кого назначить на место губернского комиссара или какой-нибудь другой видный административный пост, то, прежде всего, мысль устремлялась на членов местных лож, и если среди них было сколько-нибудь подходящее лицо, то на него и падал выбор» [4, с. 72]. Так, уже в начале марта витебские вольные каменщики выступили с инициативой создания городского общественного комитета, в который вошли представители различных социальных и профессиональных групп населения. Председателем комитета стал А. О. Волкович [28, с. 3]. После его визита в Петроград Временное правительство признало Витебский городской общественный комитет органом центральной власти в Витебске, а 17 марта 1917 г. А. О. Волкович был избран городским головой [29, с. 3]. Временное правительство назначило его губернским комиссаром. Один из бывших руководителей местного отдела кадетской партии, активный член масонской ложи встал во главе управления Витебской губернии. К масонству принадлежали и некоторые другие руководители губернской и городской администрации [30, с. 104].

Заключение

Российское политическое масонство оказало большое влияние на борьбу за власть накануне

и во время второй российской революции. В своем развитии масонство прошло два этапа: на первом

(1906–1910 гг.) российские вольные каменщики действовали под эгидой «Великого Востока Франции», придерживаясь умеренно-либерального направления; а на втором (1910–1917 гг.) крупнейшей масонской организацией являлся «Великий Восток народов России», ядро которой составляли представители партии конституционных демократов, что способствовало вовлечению масонов

в оппозиционную деятельность. Вольные каменщики поддерживали Прогрессивный блок в его противостоянии с царским правительством, оказывали воздействие на функционирование Временного правительства первого состава. Значительное развитие масонское движение получило на территории Литвы и Беларуси, где в основном члены организации придерживались «краевой» идеологии.

Библиографические ссылки

1. Хасс Л. Еще раз о масонстве в России начала XX века // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 24–35.
2. Соловьев О. Ф. Русское масонство 1730–1917 гг. М., 1993.
3. Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века : пособ. к спец. курсу. СПб., 1996.
4. Николаевский Б. И. Русские масоны и революция / ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1990.
5. Брачев В. С. Русское масонство XX века. СПб., 2000.
6. Смалянчук А. 3 гісторыі віленскага масонства XX ст. // Спадчына. 1998. № 5. С. 50–58.
7. Серков А. И. История русского масонства, 1845–1945. СПб., 1997.
8. Энгельгардт Б. А. Воспоминания // Отд. рукоп. Рос. Нац. 6-ки. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 29.
9. Фрагменты Дзеньніку М. Ромэра / пер. А. Смалянчука // Спадчына. 1998. № 5. С. 59–67.
10. Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. (Документы из архива Гугероветскага інстытута вайны, рэвалюцыі і міра) / вступ. ст. і каммент. В. И. Старцева // История СССР. 1989. № 6. С. 119–134.
11. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте : мемуары / пер. с англ. Г. Шахов. М., 1996.
12. Сташкевіч М. С. Перадумовы і працэс стварэння палітычных партый на Беларусі (канец XIX ст. – люты 1917 г.) // Беларус. гістарычны часоп. 1999. № 3. С. 18–19.
13. Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов (вступительная статья В. В. Поликарпова) // Вопр. истории. 1998. № 11–12. С. 10–48.
14. Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX в. // Историки отвечают на вопросы / под ред. В. В. Поликарпова. Вып. 2. М., 1990. С. 134–155.
15. Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988.
16. Серков А. И. Русское масонство, 1731–2000 (Энциклопедический словарь). М., 2001.
17. Латышонак А. Нацыянальнасць – Беларус. Мінск, 2009.
18. Вольныя муляры ў беларускай гісторыі. Канец XVIII – пачатак XX ст. / уклад. і навук. рэд. А. Ф. Смалянчука. Вільня, 2005.
19. Антон Луцкевич: материалы следственного дела НКВД БССР / науч. ред. В. Н. Михнюк. Минск, 1997.
20. Письма А. И. Луцкевича к П. Н. Милюкову (1911–1912 гг.) // Гос. архив Рос. Фед. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4939.
21. Новина А. И. Итоги и перспективы «национальной» политики в Белоруссии // Речь. 1911. С. 5.
22. Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. / сост. Н. И. Канищева. М., 2000. Т. 2 : 1908–1914 гг.
23. Канищева Н. Коллюбакин Александр Михайлович // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX вв. : энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 1996.
24. Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков ; М., 1997.
25. В обществах и собраниях // Вечерняя газета (Вильно). 1915. С. 2.
26. Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990.
27. Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991.
28. Общее собрание В.Г.О.К. // Витебский листок. 1917. 18 марта. С. 2–3.
29. А. О. Волкович – городской голова // Витебский листок. 1917. 17 марта. С. 3.
30. Аронсон Г. Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. Нью-Йорк, 1962.

References

1. Hass L. [Once again about the Freemasonry in Russia at the beginning of the XX century]. *Voprosy istorii*. 1990. No 1. P. 24–35 (in Russ.).
2. Solovyev O. F. [Russian Freemasonry 1730–1917]. Moscow, 1993 (in Russ.).
3. Startsev V. I. [Russian political Freemasonry of the early twentieth century. Allowance for special course]. Saint Petersburg, 1996 (in Russ.).
4. Nikolaevskij B. I. [Russian masons and revolution]. Moscow, 1990 (in Russ.).
5. Brachev V. S. [Russian Freemasonry of the XX century]. Saint Petersburg, 2000 (in Russ.).
6. Smolyanchuk A. [From the history of Vilno freemasonry of the XX century]. *Spadchyna*. 1998. No. 5. P. 50–58 (in Belarus.).
7. Serkov A. I. [The history of Russian freemasonry, 1845–1945]. Saint Petersburg, 1997 (in Russ.).
8. Engelgardt B. A. [Memories] *Dep. Manuscr. Russ. Nat. Libr.* Fund 1052. R. 1. P. 29 (in Russ.).
9. Smolyanchuk A. (ed.) [Notes from M. Romer's diary]. *Spadchyna*. 1998. No. 5. P. 59–67. (in Belarus.).
10. [Russian political freemasonry. 1906 – 1918 rr. (Documents from the archive of the Hoover Institution of War, Revolution and Peace). Introduction and comments by B. I. Startsev]. *Istoriya SSSR*. 1989. No. 6. P. 119–134 (in Russ.).

11. Kerenskiy A. F. [The Kerenskiy memories Russia and history turning point]. Moscow, 1996 (in Russ.).
12. Stashkevich M. S. [Premises and the process of political parties formation on the territory of Belarus (the end of the XIX c. – February 1917)]. *Belaruski gislarichny chasopis*. 1999. No. 3. P. 18–19 (in Belarus.).
13. [From the investigative cases of N. V. Nekrasov 1921, 1931 and 1939] (Introduction by V. V. Polikarpov). *Voprosy istorii*. 1998. No. 11–12. P. 10–48 (in Russ.).
14. Hass L. [Russian Masons of the first decades of the XX]. Moscow, 1990. P. 134–155 (in Russ.).
15. Obolenskiy V. A. [My life, my contemporaries]. Paris, 1988 (in Russ.).
16. Serkov A. I. [Russian Freemasonry, 1731–2000 (Encyclopedia dictionary)]. Moscow, 2001 (in Russ.).
17. Latyshonok A. [Nationality – Belarusian]. Minsk, 2009 (in Belarus.).
18. Smolyanchuk A. F. (ed.). [Freemasons in the Belarusian history. The end of the XVIII – the beginning of the XX]. Vilno, 2005 (in Russ.).
19. Mihnyuk V. N. (ed.). [Anton Lutsevich: Materials of the investigative case of the NKVD BSSR]. Minsk, 1997 (in Russ.).
20. [Letters from A. I. Lutskevich to P. N. Milyukov (1911–1912 rr.)]. State Archive Russ. Fed. Fund 579. R. 1. P. 4939 (in Russ.).
21. Novina A. I. [Results and prospects of the «national» policy in Belarus]. *Rech*. 1911. P. 5 (in Russ.).
22. Kanischeva N. I. [The congresses and conferences of the Constitutional Democratic Party] : in 3 vol. Moscow, 2000. Vol. 2 : 1908–1914 (in Russ.).
23. Kanischeva N. [Kolyubakin Alexandr Mihailovich]. *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX vv.* [Political parties of Russia. The end XIX – first third of the XX]. Moscow, 1996 (in Russ.).
24. Berberova N. N. [People and lodges. Russian Masons of the XX century]. Kharkov ; Moscow, 1997 (in Russ.).
25. [In societies and meetings]. *Vechernyaya gazeta* (Vilno). 1915. May 15. P. 2 (in Russ.).
26. Averh A. Ya. [Masons and Revolution]. Moscow, 1990 (in Russ.).
27. Milyukov P. N. [Memories]. Moscow, 1991 (in Russ.).
28. [General meeting of V.G.O.K.]. *Vitebski listok*. 1917. March 18. P. 2–3 (in Russ.).
29. [A. O. Volkovich – mayor]. *Vitebski listok*. 1917. March 17. P. 3 (in Russ.).
30. Aronson G. [Russia on the eve of the revolution. Historical studies. Monarchists, liberals, masons, socialists]. New York, 1962 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 22.05.2017.
Received by editorial board 22.05.2017.